

Стена Лючано

или Мифы, достойные того, чтобы их спасти

«После того, как была разрушена Берлинская Стена, кое-кто хотел бы выбросить вон все», — говорит Тенориссимо. Конечно, он ошибается, но его легко понять: начиная с «Дон Карлоса» карьера знаменитого певца клонится к закату.

Мариинский театр. — 1993. — Апрель. — (№ 7-8). — С. 8.

Как назвать рассказ: после поражения? Дружеский разговор происходит вечером дня, предшествующего повторным спектаклям «Дон Карлоса». Лючано Паваротти одет по-домашнему, в черный свитер, с длинным шарфом, обмотанным вокруг шеи; перед ним — бутылка минеральной воды. Он улыбается, по крайней мере в момент появления, и совсем не кажется подавленным.

Он начинает говорить: «В этой опере, когда тенор побеждает, результатом является счет ноль-ноль. Я же, напротив, забил гол самому себе». Паваротти рассказывает, как его дочери, которые были в театре, подшучивали над ним: «Папа, ты пел хорошо, за исключением кульминационного момента». В Лондоне, когда он давал концерт в Гайд-Парке, сто тысяч англичан несмотря на дождь, собрались, чтобы послушать его. Принц Чарлз тоже был там. Рецензии на его выступление появились на первых страницах всех газет. Десять дней спустя — вновь статьи во всех газетах на самом почетном месте, но теперь в них уже разъяснения врача, без всякой иронии, относительно тех бед, которые могли постигнуть артиста по причине его веса. Таково положение вещей. Лючано Паваротти — всегда в центре внимания. Одному американскому журналисту он сказал: «Я — деревенский мальчишка». Он очень настоящий, суеверный (этот платок, которым он обматывается после каждого романса, и гвозди в карманах), любит живопись и сам рисует, любит лошадей, их у него четырнадцать; ему нравится играть с друзьями в карты и выигрывать. Но он способен также судить себя. Без излишней симпатии. Допускает, что может сфальшивить, а когда он ошибается, по причине усталости или излишней доверчивости, признает это. Только футболисты по телевидению признают ошибки и достоинства противника.

Он родился в 1935 году, и вот уже тридцать лет ездит по свету, исполняя музыку. Женат на синьоре Адуа и является отцом трех дочерей. Большая и очевидная склонность к еде. Не для того, чтобы утешить его, но я рассказываю, как однажды зимним утром встретил комедиографа Диего Фаббри в очень подавленном состоянии. «Вчера вечером, — объяснил он, — меня освистали. Подумай: во Франции вспоминают твой последний успех, а у нас — твой последний провал». Это правда: я читал, что Карузо вернулся в Неаполь, пел там и был принят холодно. Он был потрясен: «Я люблю свой город, — сказал он, — но вернусь только для того, чтобы есть спагетти». И сдержал слово. Я, однако, думаю, что Паваротти помирится с театром Ла Скала. Вечер Сант-Амброджо, мне показалось, был насыщен стран-

ной, возбужденной атмосферой: может быть, в чем-нибудь сердце жило не слишком осознанное желание низвергнуть кое-какие мифы. Итак, можно начинать. Паваротти говорит чуть надтреснутым голосом.

— Паваротти, сколько раз вы были освистаны?

— Два раза, и оба в Милане.

— В первый раз?

— В последнем действии «Лючии». Это было исполнение не из лучших. Я дал «петуха», и тоже на ноте «си».

— На этот раз, вы полагаете, вы сделали какую-нибудь ошибку или пали жертвой заговора?

— Ошибки очевидны; фальшивые ноты случаются, и со мной произошло это только здесь. Конечно, я не пользуюсь той симпатией, которой пользуются другие.

— Я не спрашиваю, каково появиться на авансцене под завывания зала, но каковы ваши ощущения от спектакля в целом?

— Я был счастлив создать роль, необычную для меня. Думаю, что хорошо спел восемьдесят процентов оперы. Я должен был отказаться, когда мне предложили связать себя обязательствами или уж подготовиться на все сто процентов. Не было достаточно времени. По иронии судьбы, я ошибся именно в тех местах, которые на генеральной репетиции прозвучали наиболее уверенно.

— Вы не думаете, что в этом случае также имело место желание низвергнуть идолов?

— Это желание всегда имеет место. После того, как была разрушена Берлинская Стена, люди хотят разрушить все. Этот «психоз наручников» начался со времен Торторы и давит на меня.

— Почему вы приняли приглашение участвовать в «Дон Карлосе»?

— Потому что этим спектаклем открывался сезон, потому что я должен был исполнить роль, которой всегда пренебрегал, потому что это был спектакль с Мути и Дзеффирелли и с отличными партнерами, которые должны были бы гарантировать успех.

— Наш общий друг Энцо Феррари говорит: «Итальянцы прощают все, за исключением успеха».

— Да, это правда.

— Скажите мне откровенно: в Метрополитен или Ковент Гарден как был бы принят этот спектакль?

— По моему мнению, очень хорошо. Хотя я не думаю, что он имел бы триумфальный успех у критики, но все происходит постепенно и приходит к общему согласию. Ни один значительный театр не открывает сезон новой постановкой, и все идет гладко. Но в этом особая привлекательность Ла Скала: пробовать, предлагать нечто новое.

— Вы убеждены в том, что на галерке есть люди, которые это понимают?

— Может быть. Но случается также, что в партере это понимают лучше. Галерка, которую я всегда поддерживал и поддерживаю, должна бы быть лучшим судьей. Если во время спектакля галерка реагирует негативно, это сказывается на ходе представления.

— Вы знаете, как улаживали свои отношения со «свистунами» Карузо или Джильи?

— Не знаю, но тогда существовала чистота отношений, которая ныне потеряна.

— Тенор всегда рискует больше других певцов, потому что он является символом мелодрамы?

— Да, а также потому, что это голос наиболее известный. Грудное «до» изобретено сто лет назад, первым, кто его услышал, был Россини, и оно ему не понравилось.

— Вы выступали на всех сценах. Какая из них предпочтительнее для вас?

— Зависит от того, как я себя чувствую. Если бы я был готов наилучшим образом, я предпочел бы Ла Скала. Тот, кто занимается моим делом, дерзок; публике важнее миланской не существует. Но я бы хотел, чтобы после тридцати лет не слишком легкой (как некоторые думают) карьеры, обо мне судили серьезные профессионалы.

— Справедливо ли выражать свое отношение с помощью свиста или было бы более корректно просто не аплодировать?

— Однажды я был в театре при полном молчании зала: пел один мой прославленный коллега. Я полагаю, что это был наихудший суд.

— Какой успех вам наиболее памятен?

— Я был очень удачлив, слава Богу. Может быть, это мой дебют в «Богеме» в городе Реджо Эмилия. На спектакле присутствовал Дзилиани и сразу влюбился в мой голос. Потом встреча с маэстро Серафином в «Риголетто» в Палермо. Я приехал на прослушивание в Рим, Монте Марио. Встреча была назначена на четыре, но уже в два часа я был в баре рядом с его домом, чтобы выпить стакан воды. Когда я поднялся к маэстро, он предложил мне воды, но я сказал: «Я уже выпил целую бутылку, больше не хочу». «Вы почувствуете жажду», — ответил он. Он сел за фортепиано, и мы начали заниматься. Действительно, чуть позже я попросил его дать мне что-нибудь выпить, и маэстро сказал: «В Палермо вы должны спеть мне соло Герцога в квартете «О, красавица младая» именно в этой манере». Этим он хотел сказать: «Вы успешно прошли прослушивание». Потом я пел в Реквиеме Верди под управлением Караяна в честь столетия со дня рожде-

ния Тосканини и десятилетия со дня его смерти. В концерте участвовали певцы Тосканини. Караян был немного взволнован. Я почувствовал, что попал в иной мир. Я никогда не забуду первое путешествие в Китай, с хором и оркестром из Генуи. Нас ожидали двести человек на велосипедах. За пределами аэропорта — тележки, запряженные лошадьми. Казалось, что я в Италии первых послевоенных лет.

— А ваши поражения? Какие из них вы вспоминаете?

— У меня одна постоянная, мучительная проблема: когда я встаю на весы, я чувствую себя оскорбленным, но весы правы. Это не так уж мало. «У тебя столько достоинств, и только один порок», — говорила моя бабушка, потому что я любил поесть. Однако существуют утешения. Например, конкурс молодых оперных певцов в Филадельфии. Тамосиние господа спросили, какой подарок я бы хотел. Я ответил: «Дать молодым возможность выступить прежде, чем они будут уничтожены».

— Нескромный вопрос: каким может быть ваш вес в будущем?

— Колебания веса нерегулярны и зависят от многих факторов. Когда ты приближаешься к опасным моментам в твоей жизни, кто знает, как отреагируют на это мозг и сердце?

— Для всех момент расставания неизбежен и беспощаден. Может быть, я задаю вам жестокий вопрос: вы когда-нибудь об этом думали?

— Я думаю об этом с момента начала своей карьеры. Когда я брал в руки партитуру, я всегда заглядывал в конец, где помещается оглавление. Свое прощание со сценой я предусмотрел несколько лет назад. Хотя мой отец и сейчас еще, в восемьдесят лет, обладает молодым голосом. Сегодня утром мы вместе пели вокализы.

— Принял бы Верди эту постановку в исполнении этой труппы?

— Нет никаких сомнений, особенно теперь, когда я думаю пригласить его лучше.

— Вы представляете себе тех, кто осудил этот спектакль?

— Нет. Знаю только, что они существуют.

— Что такое фальшивая нота? И почему это происходит?

— Обычно это нота на трудном участке партитуры: фальшь случается по причине катара, или когда неправильно берешь дыхание, или когда не находишь правильного способ преодолеть техническое препятствие. В моем случае я действительно неправильно дышал.

— Чем являются для вас ваши ошибки в жизни?

— Ошибками.

— А теперь, Паваротти, куда направляетесь, что намерены делать?

— Постараюсь спеть лучше в следующих спектаклях «Дон Карлоса» и записать хорошие пластинки. Концерты в Японии, Корее, Гонолулу. Потом вернусь в Мюнхен петь в Реквиеме Верди, с участием трех тысяч хористов, которые за свой счет придут со всех концов мира. Импресарио сказал: «Петь с Паваротти» откликнулись пять тысяч. Потом еду в Филадельфию петь в «Богеме» и «Травиате» вместе с победителями моего конкурса. Поставлю «Фаворитку». Рождество, однако, проведу дома. Семья, тортеллини, дзампоне и ламбруско.*

Интервью
Энцо БЬЯДЖИ
Перевод с итальянского
Ирины СОРОКИНОЙ
(журнал «Панорама»,
1992, 20 декабря)

Тортеллини — вид итальянских пельменей; дзампоне — фаршированная свиная нога; ламбруско — вид красного вина. (Примечания переводчика.)

